

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ДНЕВНИК «ТЕРМЕЗ»

27.10.86.

Позавчера встретил жену где-то в 8 утра, и с вещами поехали в гостиницу КЭЧ на улицу Малика Кахарова. В моей 306-ой комнате оказались Миша, Олег и какой-то прапорщик.

Миша сразу же починил мои часы «200 метров под водой», Вера угостила всех пирогами с мясом и вскоре мы с ней пошли на базар за покупками на ул. Карпова (возле Крепости).

Вера, как и все домохозяйки, не может жить без магазинов и базаров.

На базаре я ей купил в подарок духи производства «Париж-Москва» «Тет-а-тет», и, сделав ещё кое-какие покупки, поехали с ней на Центральный рынок.

Вера сразу определила, что хурма здесь стоит дешевле, чем в Самарканде: здесь она стоит 1- 1,5 рубля за 1 кг, а в Самарканде 4-5 рублей; гранаты здесь по 1 – 2 рубля за 1 кг, в Самарканде по 5 рублей. Наверное, потому, что Термез закрытый приграничный город и для приезда сюда Веры мне пришлось в штабе полка оформлять пропуск для пограничников.

С рынка пошли в зоопарк. Показал Вере единственное место в Термезе, где виден сопредельный афганский Хайратон с цельнометаллическими конструкциями складов перевалочной базы Округа и рекой Аму-Дарьёй.

Посидели немного на лавочке и поехали в офицерскую столовую обедать.

После обеда пошли в гостиницу.

К счастью все мои соседи по комнате были кто где: Миша собирался в наряд и ушёл через несколько минут после нашего прихода, Олег уехал в командировку, Степанов – на полигоне. Он утверждает, что в Афгане служил начальником штаба в мотострелковом батальоне, командиром которого являлся Герой Советского Союза Руслан Аушев.

Лучше не придумай и не надо никого просить переспать в другой комнате. Тем более, когда у меня с заведующей гостиницы не сложились отношения. К женщинам нужен подход, а я из-за своей близорукости и рассеянности не всегда даже, наверное, здороваюсь с ней.

До вечера времени оставалось много, и мы с Верой пошли в кинотеатр «Бахор» на кинофильм «Записки мёртвого человека». С половины сеанса ушли, ибо фильм, в главной роли которого снялся мой любимый актёр Ролан Быков, показывал ужасы термоядерной войны, развязанной, конечно

же, по вине империалистов и американской военщины. Все герои фильма, недобитые американские милитаристы и буржуи, сидели в бункере и философствовали, склоняясь в пользу «развитого социализма» по примеру СССР.

Поужинали, погуляли и пошли в гостиницу спать – благо мы остались одни в комнате.

Вчера опять поехали на Центральный рынок. Вера взяла кое-что для Самарканда и, положив все покупки в гостинице, пошли гулять по городу. Показал жене Крепость, Вечный огонь у памятника погибшим в Великую Отечественную войну, мой Учебный мотострелковый полк за оградой.

Когда мы пришли в гостиницу, в комнате уже находился Степанов, приехавший с полигона. Познакомил с ним Веру.

Поужинали в 6 вечера, и пошли в гарнизонный клуб на фильм «Без особого риска».

Фильм тоже оказался скучным. После сеанса вернулись в гостиницу собираться к отъезду.

В половине 11-го вечера на частной машине поехали на вокзал.

На вокзале встретил своего сослуживца по Ашхабаду и командующего РВиА нашей дивизии в Термезе полковника Клоца. Познакомил с ним Веру, поговорили, вспоминая службу в Ашхабаде в 70-х годах. Поезд прибыл в 1 час ночи. Я проводил жену и пешком пошёл в гостиницу.

Сейчас я на полигоне. Узнал, что моё ходатайство о переводе в центральный округ отклонено. Теперь не знаю, что делать. Бывший Командующий ТуркВО генерал армии Максимов в настоящее время является Командующим Ракетными войсками стратегического назначения и Депутатом Верховного Совета СССР от нашей Сурхан-Дарьинской области, но как к нему попасть на приём или хотя бы записаться, зная, что он иногда приезжает в Термез на встречу с избирателями?

Вера осталась очень довольной поездкой в Термез. Я ей отдал свои командировочные в Афган 730 чеков и 120 рублей. Чеки в Кундузе нам давали с округлением «в пользу государства», ибо у начфина, как всегда, не было мелочи.

Встретил на полигоне майора Янецкого, пьяного в дупель. Что-то он мне пытался сказать про БРДМы, ПТУРЫ, БМД и произносил ещё какие-то аббревиатуры, но я не понял. Завтра разберёмся.

Встретил пропагандиста полка майора Сашу Мамонтова, с которым выходил из Афгана. Его отправляют назад в ДРА. Он очень расстроен, ибо настроился уже на службу в Союзе.

28.10.86.

Сегодня сам себе решил сделать выходной. Пусть начальство думает, что я на полигоне, а на полигоне думают, что я в части. Главное, чтоб кто-нибудь из начальства не заметил меня в городе.

Пошёл на почту – отправил в Самарканд кое-какие книги, которые покупаю регулярно где-то на 50 рублей в месяц, ибо ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Самарканде простой художественной и научно-публицистической литературы нет и в помине.

Книги напечатаны местными узбекскими типографиями в основном на газетной бумаге, подчас с перевёрнутыми страницами и неразборчивым шрифтом, но охотно раскупаются военными и приезжими. Мечта моя – к своему увольнению в запас собрать библиотеку, ибо не мыслю своей жизни без книг. В памяти навсегда остались детские и юношеские годы в Москве с богатой отцовской библиотекой в квартире. Возле которой мне открывались книжные истины, отличные от советского официоза на зарубежную жизнь, российскую историю, историю ВОВ, благодаря трудам: Мольтке, Типпельскирх, Модуля, Черчиля, Брусилова, полное собрание сочинений антрополога Ранке, естествоиспытателя Брэма, зарубежных и советских писателей.

Ибо мой отец последние несколько лет службы был военным историком и преподавал в Академии Генерального штаба.

После смерти отца мама почти всю библиотеку продала куда-то за бесценок – нужно было готовиться к переезду в «хрущёбу». Теперь надо воспользоваться предоставленной возможностью.

Пытался несколько раз позвонить Вере на работу с городского Узла связи, но безуспешно – оба телефона не отвечали на звонки.

Немного беспокоюсь, ведь до сих пор не знаю, как она доехала.

В малюсенькой гостиничной комнатке нас живёт пока трое, без Сакаева Олега. Но, как только он приедет из командировки, комнатка превратится в склад человеческих тел.

Начал читать «И придет час» Белоусова.

29.10.86.

Только что разговаривал с Верой по телефону. До дома доехала она благополучно. Ждёт меня в отпуск.

Здесь в киосках каждый номер журнала «Огонёк» нарасхват. Киоскерши двух киосков меня знают и за небольшие презенты оставляют для меня этот самый популярный здесь журнал. Правда, одна киоскерша стала уж очень навязываться ко мне в «друзья». Пришлось отказаться от её услуг.

30.10.86.

Вернулся Сакаев с полигона и всю ночь храпел так, что стены дрожали. Я уже пытался и воском затыкать уши и хлебными мякишами – ничего не помогло. Почти совсем не спал ночью.

Может, попробовать написать рапорт на отпуск?

Хорошо хоть на службе нет нервотрёпки. Никому я как заместитель командира дивизиона кадра пока не нужен. Мой командир дивизиона майор Козлов в Шерабаде на строительстве горного учебного центра (мы с ним несколько месяцев служили в одном полку ЦГВ во Френштате под Радгоштем Северной Моравии Чехословакии в 1970 году). Начальник артиллерии мотострелкового полка подполковник Пилюгин на полигоне. Шатаюсь все дни из угла в угол. Единственная головная боль – солдаты из подразделения обслуживания в количестве 4 человек, которым я утром ставлю задачу по обслуживанию техники дивизиона и должен периодически контролировать их работу.

31.10.86.

Сегодня у столовой видел Командующего войсками ТуркВО генерала армии Попова и весь наш гарнизонный бомонд. Подошёл к адъютанту Попова и сказал ему, что ещё 10 апреля был на приёме у Командующего по вопросу перевода в центральный округ. При мне было отдано распоряжение начальнику управления кадров округа о «немедленном моём переводе» и с тех пор никаких подвижек.

Адъютант сказал, что помнит меня, но не знает о решении кадровиков по моему делу, поэтому ничем мне помочь не может. Новый приём по личным вопросам Командующий проводить не собирается.

Видимо, Командующий убедился, что этих личных вопросов накопилось у всех так много, что лучше вообще никого не принимать.

Набраться смелости и подойти на улице к Попову со своим вопросом я не решился.

1.11.86.

Наконец-то выспался ночью. Олег на полигоне. Даже постоянный дым от сжигаемого кем-то мусора по всему Термезу не помешал сну. Машин для вывоза опавших листьев нет – вот их и предают огню для уменьшения объёма, отравляя воздух так, что дышать нечем.

Как памятник головотяпству и бесхозяйственности в центре Термеза высится недостроенная башня Обкома, видная даже с Хайратона Афганистана.

Её строители уже почти закончили возводить, как в стенах стали появляться трещины, и обнаружилась осадка всего здания. Работы тут же прекратили и стройку заморозили.

Примечательно, что это здание соседствует на Красной площади Термеза, естественно, с памятником Ленину и каменной трибуной для руководства города в дни революционных праздников, стилизованной под мавзолей Ленина в Москве. Внутри этой трибуны расположен музей Ленина с разного рода копиями брошюр вождя, революционных плакатов, книг Ленина и т.д.

В этой связи вспомнился почему-то «Ленинградский ордена Ленина Метрополитен имени Владимира Ильича Ленина», где из 8 слов вождю мирового пролетариата принадлежат 5.

2.11.86.

Сегодня воскресенье. Утром принял душ, попил чай с пряниками, стал читать роман «И придет час» - так себе. Прошёлся по городу.

Вечером испортил моё прекрасное расположение духа посыльный с вызовом в полк. Оказалось, что в 23 часа построение полка. Получил нагоняй от командира полка, прибывшего к нам недавно в полк из Афганистана, подполковника Барабаша, за порядок в артиллерии.

3.11.86.

Вчера недалеко от гостиницы и Красной площади города видел в оставшихся лужах канала после их осушения для очистки, как мальчишки вечером при свете фонарей вытаскивали рыбу. Попадались довольно-таки крупные экземпляры. Я и не подозревал, что в этом болоте для полива водится такая рыба.

Был сегодня на подъёме. Главное, что меня на подъёме видел подполковник Барабаш.

Вчера на переезде в Галабу машина КАМАЗ врезалась в тепловоз. Гражданский водитель погиб. Наш прапорщик Мустафин, ехавший в кабине этой машины, доставлен в госпиталь в тяжёлом состоянии.

Пилюгин уже на службе. Теперь начнутся весёлые деньки! Опять партсобрания с оформлением уймы макулатуры при партийной организации всего в 3 человека, и я секретарь, потому что некому больше возглавить эту долбаную парторганизацию; отработка штабных документов, расписаний занятий с пятью солдатами, всевозможных журналов и т.д.

Встретил своего сослуживца по Самарканду подполковника Ходько. Узнал от него, что он беседовал по моему вопросу о переводе с начальником 1-го отдела округа. Мой вопрос о переводе в центральный округ повис в воздухе, несмотря даже на то, что я уже 14 лет служу в этой дыре и есть персональное решение Командующего по моему вопросу. Куда теперь обращаться?

Сакаев опять на полигоне, и я сплю спокойно. В этом захолустье, чтобы выжить, надо пользоваться любым благоприятным моментом – ведь у меня ишемия сердца.

4.11.86.

«Не спешите выполнять приказ – последует команда «отставить»».

Командиров батарей ночью отправили в командировку, и мне по приказу командира полка пришлось самому организовывать отправку орудий в Ташкент.

Получил машину, взял у командира батальона майора Блошкиса людей, загрузили машину имуществом. Но, приехав на рампу, узнал от и.о. начальника службы РАВ майора Фархутдинова, что сегодня погрузки не будет. Пришлось возвращаться назад.

На улице днём жарко и мухи не дают покоя. Слава Богу, что дни короткие, а эти твари летают только при свете. Тяжелее летом, когда стоит невыносимая жара, и с 4 утра до позднего вечера от них нет покоя.

Закроешься простынёй – жарко, марлю на балконную дверь повесишь – душно. Так и лежишь почти всю ночь, отмахиваясь от них полотенцем. Как-то видел в Термезе такую картину.

Мороженщица в самое пекло в центре Старого города в чёрном от грязи фартуке продаёт мороженое: половником достаёт из грязного бидона жидкое сладкое молоко, разливая это пойло по вафельным стаканчикам и торгует как мороженым. И многие охотно покупают его, не обращая внимание на рой мух, кружащихся вокруг и облепивших бидон и черпак этой торговой точки так, что они кажутся не своего серого цвета, а чёрного.

А я ещё думал семью сюда перевезти! Нет, здесь запросто можно погубить здоровье.

Поругался с соседом Мишей. Каждый день водит к нам в каморку своих друзей. Шумят, громко разговаривают – не отдохнёшь. В комнате и так на трёх койках спят 4 мужика, а тут ещё гости каждый день.

Где моя молодость! В 42 года довольно тяжело жить уже в таком бардаке.

5.11.86.

Не ходил на строевой смотр. Видел на завтраке Барабаша, и он мне ничего не сказал по поводу моего отсутствия на плацу. Вот и гадай теперь, что у него на уме.

В зенитной батарее у Тодинга взял 4-х человек и поставил их работать на орудия.

Командиру батареи капитану Князю объявил и записал в карточку взысканий и поощрений «строгий выговор» за невыход на службу 2,3,4 ноября.

Совсем обнаглел Лёша. Впрочем, когда люди сталкиваются с несправедливостью, - а её в Термезе и по всей армии, как песка в пустыне, - они относятся соответственно и к службе.

6.11.86.

В 6.00. был на Красной площади на общем построении. Затем началась тренировка прохождения торжественным маршем как репетиции к завтрашним праздникам Октябрьской революции.

Заведующая гостиницей хочет нас со Степановым переселить в другую комнату. Но в ней пока живут люди.

7.11.86.

Поругался с Пилюгиным. Настроение сразу упало, и вечером снимал стресс в зоопарке. Со зверями гораздо интереснее, чем на службе, где как пауки в банке все едят друг друга.

Опять не спал всю ночь. Из соседних комнат раздавались громкая музыка и пьяные голоса – соседи отмечали 69-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции.

8.11.86.

Был опять в зоопарке. Лакомился шашлыком и хурмой. Всё-таки праздник и хорошо, что без выпивки. Ведь нужно во что бы то ни стало дослужить оставшиеся годы. Мне есть что терять, кроме своих цепей. А после понижения в должности в прошлом году и направления в эту Тьмутаракань в звании подполковника – только дай повод командованию после прошлогоднего начала пресловутой «борьбы с алкоголизмом», и достаточно будет единичного случая для 42-летнего меня, чтобы как щенка выкинуть на гражданку в нищету и болезни. Я не 30-летний Князь и не из числа младших офицеров гарнизона, делающих всё возможное для увольнения из армии «за дискредитацию звания», а с ними приходится нянчиться, как с детьми и сквозь пальцы смотреть на все их капризные выкрутасы. Я уже почти отработанный материал, отжатый лимон, без высшего образования и какой-либо специальности. Будет обидно, если сорвусь почти на самом финише. Ведь в нашей стране, когда государство вот-вот должно раскошелиться на твоё пенсионное содержание, могут заявить, что незаменимых у нас нет и в целях экономии пенсионных средств уволить на самый мизер обеспечения на гражданке. Все незаменимые - молодые дураки, связавшие свою судьбу с армией, на которых она и держится.

Голова часто стала болеть. Вот и сейчас болит, а мне нужно вечером идти в дивизион – ведь я сегодня ответственный. 4 солдата в подчинении, а за ними всё равно нужен глаз, да глаз.

9.11.86.

Утром возле почты встретил капитана Евтушка. Узнал, что в 12.00. Барабаш собирает всех ответственных по подразделениям. Официально сегодня выходной и я не пошёл на построение. Будь, что будет!

Весь день гулял, читал книгу в гостинице.

Вот и прошли праздники. На Красной площади днём состоялось открытие демонстрации прохождением наших воинов торжественным

маршем, шествие жителей города с красными транспарантами, флажками, цветами, портретами вождей.

Вспомнились московские торжества в дни моего детства и юности. Как это давно было!

Через полчаса надо идти на общеполковую вечернюю поверку.

10.11.86.

Работаю в комиссии по приёму-передаче продовольственного склада.

На улице жарко, ходим в рубашках.

Получил поздравительную открытку от Елены Павловны Дейнеки (вдовы художника Дейнеки). Моя сестра Эльвина до войны училась с ней в школе и с тех пор они подруги неразлейвода.

Из Кабула приехал Олег Сакаев. Кончились мои спокойные ночи.

11.11.86.

Я на трёхдневном семинаре секретарей партийных организаций гарнизона. То-то «обрадуется» Пилюгин! Пусть теперь сам поработает. Сам же предложил мою кандидатуру в секретари.

Откровенно говоря, вся моя партийная работа заключается в сборе партийных взносов и бумаготворчестве в виде всевозможных резолюций партсобраний, решения по которым никто никогда не выполнял и никогда выполнять не будет. Коллективы уже далеко не 20-х и 30-х годов с их стадными отношениями друг с другом и к государству в целом. Неужели на самом верху этого всё ещё не понимают?

Более того, всевозможными приказами и директивами пытаются вернуть армию в это первобытное состояние.

Послезавтра в нашем клубе состоится суд военного трибунала.

Будут судить лейтенанта Хамраева с 1-го учебного батальона за полученную взятку от родителей рядового Ложенидзе. Он им пообещал оставить их сына служить в Термезе вместо Афганистана.

Взятка была в размере 2000 рублей. Часть этой суммы он взял от родителей в ресторане «Новбахор», часть переводом по почте из Грузии.

Солдата всё равно отправили в Афган, и родители обратились в КГБ с жалобой на Хамраева.

Получил поздравление с праздником от Галевских (Саня Хлибкевич-Галевский, артист театра Вахтангова, мой двоюродный брат). Было очень приятно!

Арбузы в магазинах стоят 10 копеек за 1 кг.

12.11.86.

Всю ночь завывал ветер, и сегодня утром пришлось надеть китель. Дело идёт к зиме. Храп Олега ночью не слышал, поэтому чувствую себя довольно бодро.

У нас в полку не могут понять, куда исчезли два лейтенанта. Их нет в гарнизоне уже полмесяца. Говорят, оба не хотят служить в армии. К дезертирам – солдатам прибавились уже и офицеры. Раньше никогда такого не было.

На семинаре нам сообщили, что за 10 месяцев этого года в нашей 4-й мотострелковой дивизии произошло 71 происшествие и преступление. Из них в нашем 367-ом учебном мотострелковом полку за этот период произошло 21 происшествие и преступление против 15 за 1985 год.

Возле Дома офицеров встретил майора Глазунова. Говорит, что меня искали в полку.

Кому я там понадобился?

13.11.86.

Так стало холодно! Впору шинель надевать.

Чувствую, завтра меня будут ругать за то, что я «самовольно» ушёл на сборы секретарей.

Я же выполнял приказ командира дивизии, за который расписался.

Чёрт знает, что творится!

Спал прошедшую ночь хорошо, хотя пришлось опять затыкать уши воском из-за храпа Олега.

Ночью опять играла музыка у соседей.

Сборы закончились. Я опять в полку. Пилюгин сообщил, что мне, Козлову и Князю он срезал единовременное денежное довольствие наполовину. За что, не знаю.

Бог с ними, с этими деньгами. Мне не привыкать к денежным вычетам и штрафам.

14.11.86.

Наш полк посетил член военного совета Ставки генерал-полковник Ширинкин.

Суд над Хамраевым продолжается.

Получил втык от начальника штаба полка подполковника Мир-Якубова за порядок в казарме.

В 15.00. отчётно-выборное партийное собрание.

Вместо начальника штаба дивизии полковника Хачатряна, уехавшего военным советником в Афганистан, прибыл полковник Орлов.

От Пилюгина узнал, что в феврале следующего года планируется учебное развёртывание дивизии.

После развёртывания в Самарканде меня понизили в должности. Что меня ожидает на сей раз?

Получил письмо от дочери Наташи. Муж её служит в Германии, и она до сих пор не получила вызова.

На собрании узнал, что в нашей дивизии всего коммунистов 179, кандидатов – 17.

По возрасту: до 25 лет – 49, от 25 до 30 лет – 88, от 30 до 35 лет – 30, от 35 до 40 лет – 10, от 40 и выше – 2 (в том числе и я вместе с командиром дивизии полковником Лексюткиным).

Сажу на партийном собрании. В президиуме Ширинкин.

15.11.86.

Зачитали приговор Хамраеву: 5 лет усиленного режима с конфискацией имущества.

Для него и его ленинградской жены с ребёнком он оказался неожиданным. Ведь он сотрудничал со следствием.

Жаль парня!

Опять ругался с Пилюгиным, если так можно вообще сказать про односторонний крик на меня при моём молчании.

С ума можно спрыгнуть при таком начальнике - холерике. Где-нибудь в отсталой африканской стране из него получился бы хороший фюрер для наведения порядка среди туземцев, решения территориальных вопросов и присвоения самому себе всевозможных титулов от императора Британской империи до вождя всего живого и мёртвого во Вселенной.

17.11.86.

Замучили построениями. С утра, как всегда, крик, мат.

Пилюгин приказал мне отработкой документов заниматься в парке.

Поставить стол у орудий и тягачей и убивать сразу двух зайцев: готовить документы и следить за ходом подготовки техники к зимнему периоду эксплуатации.

Опять делают из меня перепетум мобиле.

Не буду из принципа ставить стол в парке.

18.11.86.

Получил письмо от Эльвины. Пишет, что Оля (жена сына сестры) должна скоро родить.

Сестра ещё пишет, что Мария Фёдоровна Грецова (вдова друга моего отца, генерал-майора Грецова Михаила Дмитриевича) неважно себя чувствует, согнулась в три погибели

Очень жаль!

Завтра – День Ракетных войск и артиллерии, но в пехоте с их эмблемой на погонах и петлицах «Сижу в кустах и жду героя» этот праздник не отмечается, поэтому для нас он будет будничным.

19.11.86.

Обычный рабочий день. Правда, в Доме офицеров в 10 часов утра собрание, посвящённое празднику. И не более того. Вспоминается, как мы в Самарканде веселились в этот день. С коллективным застольем в клубе, куда приглашали дивизионное начальство, с размахом. И всё благодаря нашему Начальнику РВиА дивизии полковнику Запаловскому Э.Т., который каждый год отстаивал для всех нас этот выходной день перед пехотным руководством дивизии.

21.11.86.

Второй день дома в Самарканде в командировке. Позавчера меня отправили за молодыми солдатами в количестве 24 человек.

Вера обрадовалась моему приезду и, если до приезда домой я чувствовал себя неважно, то теперь все недуги улетучились. Завтра иду в Облвоенкомат.

23.11.86.

Вчера вечером 924-ым почтово-багажным приехал в Термез. Вез 23 новобранцев, один по какой-то причине не сел.

Людей сдал и вот я снова в своей гостиничной камере.

Термез встретил меня холодом и инеем на полях.

24.11.86.

Разговаривал с начальником управления кадров дивизии подполковником Лавровым. Он пообещал вписать мою фамилию в списки заменщиков в ЛенВО по заявке, которая должна прийти к ним в январе.

Мне куда угодно – только бы вырваться из этой губительной жары и заразы. Самый старый офицер в гарнизоне. Даже командир дивизии моложе меня на 3 года. Нет сил уже терпеть эту ссылку.

Получил письмо от Наташи. Пишет, что получила вызов и следующее письмо напишет уже из Германии.

25.11.86.

В гарнизон приезжает заместитель начальника тыла Вооружённых Сил Куркоткин. Везде бегают, суетятся.

Вчера по телевизору слушал выступление Горбачёва М.С. Очень толковое выступление! Особенно мне понравились его слова об индивидуальной трудовой деятельности. В общем, как в поговорке: «Жили мы все долго и счастливо, пока не узнали, что другие живут дольше и счастливее».

26.11.86.

Опять «ругался» с Пилюгиным. К нам на должность командира батареи идёт некий капитан Дорофеев. В гостинице целый день нет воды.

27.11.86.

Сразу утром по приходе в полк на меня набросились с руганью майор Каменецкий, майор Семёнов, майор Веретенцев и подполковник Мир-Якубов. Оказывается, у нас не было никого на подъёме и политинформации. Ответственным был Князь, но он давно уже на всю службу положил свой прибор.

Опять посыпались угрозы в мой адрес «за необеспечение порядка в артиллерии и халатное отношение к служебным обязанностям». Пугают партийной ответственностью.

Не привыкать! Партия давно уже превратилась в карательный орган и пугать меня ею – всё равно что бабу мудями. Уже не сосчитать, сколько раз меня разбирали на всевозможных партийных инстанциях. И что удивительно – ни одного взыскания с записью в учётной карточке. Даже после суда чести в Самарканде и понижения в должности.

Командир полка ставил задачи по развёртыванию. Сегодня в 18.00. я должен быть у него в кабинете со всеми документами по мобплану.

Пилюгин вчера на целый год понаставил мне задач по обслуживанию боевой техники и по подготовке к развёртыванию. Вокруг нервотрёпка, ругань, мат. Не знаешь, за что хвататься. Все какие-то дерганые и нервные, как в дурдоме. Так и с ума можно спрыгнуть.

Сижу в 9-ом классе учебного корпуса, отрабатываю документы. На душе тоска!

28.11.86.

Опять влетело от Пилюгина из-за нежелания служить в армии Князя. Он опять не проводил политзанятий с солдатами, а я виноват. Виноват и в том, что Лёша вообще часто ударяется в бега и не выходит на службу неделями. И на губу я его не один раз оформлял по приказу командира полка. Всё без толку!

Твердит одно и то же - у него в Грузии осталась одинокая старая больная мать, а его не увольняют из армии по его многочисленным рапортам. Пилюгин опять грозит мне парткомиссией.

Олег опять всю ночь храпел и не давал спать.

Старым становлюсь, что ли? Всё стало раздражать. Хотя, что можно ожидать от учебного полка, в котором готовят солдат и специалистов для воюющей 40-й армии в Афганистане. Когда гарнизон почти каждый день посещают всевозможные комиссии из Москвы.

Хорошо, что не пью, а то совсем бы свихнулся в этом вертепе.

29.11.86.

Опоздал на подъём на 15 минут. Из офицеров штаба на подъёме присутствовал майор Швец. В нашем дивизионе из солдат только двое: Кодзоев и Гилимович.

На разводе кто-то сказал командиру полка, что из артиллерии опять никого не было на подъёме. Барабаш приказал Пилюгину разобраться. Пока тишина.

В Термезе днём опять жарко.

В гарнизоне находится Главком Южного направления генерал армии Зайцев. Замучили строевые смотры.

30.11.86.

Опять был строевой смотр. Пилюгин опять всех распекал.

Прошёл ещё один месяц. И слава Богу. Всё ближе к отпуску. Хотя слышал, что половина офицеров в полку не отгуляли свой отпуска за этот год.

Поэтому могут и вообще либо задержать отпуск на Бог его знает какое время, либо вообще отменить. Ведь в феврале учебное развёртывание дивизии.

1.12.86.

Узнал от Люшина, что учёбу в Ленинграде для кого-то из нас троих:

Пилюгина, Козлова или меня, - отменили. А так хотелось съездить в Город на Неве, отдохнуть от всего этого уёбища!

8.12.86.

Встретился с зам. по тылу дивизии подполковником Парафейником.

Приказал мне немедленно переселиться из гостиницы в наше полковое общежитие, в котором условия намного хуже.

В гостинице в каждой комнате есть душ, и, хоть включают воду по

определённым часам, можно освежиться и более менее не чувствовать

недостатка этой живительной влаги. В общежитии же только один сосок на

всех жильцов, общий туалет на улице. Да и народу, как сельдей в бочке. Парафейник сказал, что из-за нехватки жилья нашу 306-ю комнату хотят отдать семейной паре. Наверняка врёт.

Утром на подъёме разговаривал с Барабашом. Пожаловался ему на служебные трудности. Командир полка, по-моему, понял меня. Он не плохой мужик!

3.12.86.

В половине 6-го утра весь полк был поднят по тревоге с выездом в район сосредоточения. Князь сачканул от этого мероприятия.

Пусть с ним разбирается Пилюгин.

В районе рыли капониры для техники.

В 6 вечера был уже в гостинице.

4.12.86.

С утра понаставили море задач. Хватит опять на год вперёд.

С 7-го продолжатся занятия по боевой готовности полка.

Замордуют теперь всех ранними подъёмами и выездами.

Зав. гостиницей собирается уже всех нас 4-х выселить на частные квартиры, если в ближайшее время мы не найдём себе места в полковом общежитии.

Видимо, намекает на бакшиш за наше «незаконное проживание», ибо других наших полковых сослуживцев-холостяков она не тербит с выселением. А ведь сразу же по приезде в Термез моё проживание в гостинице было оформлено документально, в том числе и с её подписью.

А теперь, видите ли, появился какой-то приказ Командующего ТуркВО, по которому тем офицерам, которые имеют квартиры в других гарнизонах, места в гостиницах с оплатой проживания в них как в общежитиях, не предоставлять.

Я не видел такого приказа.

Днём на улице жарко. Ходим в кителях.

5.12.86.

В 5 утра Пилюгин поднял дивизион и РХО (рота химического обеспечения) по тревоге. Крику было!

Васильев с Князем вообще не прибыли по тревоге – послали посыльных за ними подальше.

Карточек снятия с хранения автотехники нет, вещмешки у солдат (их всего двое калек) не укомплектованы, у офицеров нет никакой экипировки, кузова двух машин оказались разграблены, парк под охрану не сдаётся.

Солдаты из РХО по тревоге развели костёр прямо в парке, - удивительно, что мы все не взлетели на воздух из-за хранящихся и разлитых повсюду горюче-смазочных материалов. Командир этой роты старший лейтенант Чубачук послал Пилюгина на три буквы.

А потом крик переместился между Пилюгиным и прибывшими всё же Васильевым и Князем. Надо теперь ждать неприятного разговора с Пилюгиным и мне. При такой нервотрёпке и дёрганье разве можно нормально работать и за командира дивизиона, и за начальника штаба дивизиона, и за автотехника, и за всех командиров батарей!

Разговаривал сегодня с зав гостиницей. Мадам категорично мне заявила, что с 1 января мне будет идти плата за проживание в комнате, как за гостиницу, по 1 рублю 70 копеек, вместо 30 копеек в день.

У зам начальника штаба полка майора Аникина узнал, что, действительно, есть приказ Командующего, по которому все офицеры, имеющие жилплощадь в других гарнизонах, подлежат немедленному выселению из гостиниц.

Может, подыскать частную квартиру?

Васильева и Князя запланировали в командировки. Первого в Орджоникидзе, второго в Николаев. Я остаюсь с недавно прибывшим к нам в дивизион капитаном Дорофеевым. Опять мне решать свои и чужие проблемы.

Получил письмо от Веры. Пишет, что Лифтостроительный завод в Самарканде, на котором она работает, переводят на хозрасчёт.

На заводе паника, ибо грядут сокращения, и никто из сотрудников отделов и рабочих завода не умеют работать в новых условиях – когда получаешь столько, сколько выручил от продажи своих изделий.

Лифты, как и холодильники «Снежинка», выпускаемые соседним предприятием, не пользуются никаким спросом у населения, и почти все сразу с заводов оказываются на свалке. Кому нужен этот самаркандский хлам?

Тем не менее, все сотрудники этих двух бракоделов регулярно получают зарплату и премии. Все свыклись с дотациями и монополизмом своей продукции, и, как и в армии, привыкли создавать рабочую обстановку, считая дни до пенсии, как солдаты до дембеля.

Что у нас за страна, где люди умеют только регулярно получать зарплату, а не зарабатывать деньги?!

7.12.86.

Узнал, что Барабаш отказал мне в отпуске по моему рапорту.

Сижу на комсомольском собрании. Выступает Пилюгин. Опять крик, переходящий в визг и топот ног – не может он спокойно говорить о недостатках.

Я не комсомолец, а должен сидеть и выслушивать весь этот бред сивой кобылы. Мне и партийных собраний хватает для такой промывки мозгов.

Вчера опять был крик – с собовской (старшего офицера батареи) машины пропали буссоль, три бинокля, радиостанция, десантный метеокомплект и ещё по мелочам.

У командования может хватить ума привлечь меня к ответственности уже по полной программе. Где уж тут уследишь за всем, если командиры батарей в капитанских званиях периодически ударяются в бега.

Единственное утешение – из Самарканда сюда я приехал с чистой партийной карточкой, а, значит, на первый раз ещё оставят в партии, и я смогу продержаться на плаву ещё какое-то время. До суда офицерской чести, думаю, ещё далеко. Да, и развёртывание не за горами, а значит, строго наказывать пока не будут, ибо командованию я пока нужен таким, какой есть. Другого меня у них нет.

Солдаты Мехтибаев и Кодзоев уже уволены в запас. В дивизионе остался один Тумаев.

8.12.86.

Уже 7 дней подряд Пилюгин поднимает наш дивизион по тревоге. Сегодня утром опять был крик

Я на 5-дневных сборах командиров батальонов и их замов. Отдохну хоть немного от Пилюгина.

9.12.86.

Зав. гостиницей мне опять поставила ультиматум – или я выселяюсь добровольно, или она выкинет «мои шмотки на улицу».

Пришлось идти на приём к командиру дивизии.

Выслушав меня, полковник Лексюткин разрешил мне проживание в гостинице на этаже общежития. Как будто гора с плеч свалилась!

Недавно разговорился с начальником особого отдела полка, от которого узнал, что всё дело идёт к свёртыванию войны в Афганистане и выводе наших войск. На мой ответ, что теперь песок придёт всему Советскому Союзу, ибо все азиаты уважают только силу, услышал: «Ну, вы даёте, ничего страшного не случится».

10.12.86.

Сборы продолжаются. С 8 до 9 утра был зачёт по строевой подготовке. Дул сильный ветер и было холодно. Сдал зачёт по Уставам.

Потом на автодроме за рычагами БМП сдавал зачёт по вождению. Проводил занятия зам. по вооружению полка подполковник Садчиков.

Присутствовал начальник штаба дивизии подполковник Антоненко.

11.12.86.

Сборы закончились, и скоро опять в моих ушах зазвенит голос Пилюгина, от которого, как от палящего солнца в пустыне, никуда не деться.

Встретился с зав. гостиницей, передал ей решение командира дивизии оставить меня в гостинице. В ответ услышал, что она ничего об этом не знает, и будет удерживать с меня как за проживание в гостинице, вместо 9 рублей, 51 рубль в месяц. Это будет довольно ощутимо для моих ежемесячных 300 рублей денежного содержания. Из которых я отправляю 100 в Самарканд жене, 40 рублей алименты в Чехословакию (из-за преступных связей с чешскими гражданами, жены-чешки, с которой в 1976 году развёлся, и родившейся в 1971 году от неё дочери я и загремел в 1972 году под фанфары в ТуркВО). К тому же приходится питаться здесь в столовой Военторга, а значит по завышенным ценам. Не очень-то разгуляешься!

Олег ночью ужасно храпел, и я опять почти не спал всю ночь.

Вот жизнь! На службе неприятности, из общежития выселяют на улицу, ночью не спишь из-за храпа соседа, да ещё отпуск за этот год отменили!

Как бы не свихнуться.

Сижу в Доме офицеров. Должны судить судом военного трибунала капитана Новикова за автокатастрофу, в результате которой 3 человека гражданских погибли, одна женщина получила серьёзную травму головы. В свою частную машину он взял пассажиров, по дороге не справился с управлением, выехал на встречную полосу и врезался во встречную машину. Был ли он пьяным за рулём, суд не определил, ибо, как утверждал Новиков, он после катастрофы «у какого-то мотоциклиста попросил глоток водки, чтобы придти в себя». Этим он и объяснял запах алкоголя. И что удивительно, суд поверил ему, ибо, как показало судебное разбирательство, действительно, «на месте у разбитых машин крутилось много мотоциклистов».

12.12.86.

Вчера вечером прибежал посыльный, и сегодня в 6 утра я был в части. Ждал, когда закончится совещание у командира полка, ибо опоздал на него.

После совещания подошёл к Барабашу с просьбой отпустить в отпуск. Он в ответ, что если Пилюгин не возражает, то и он не против.

Вскоре встретился с Пилюгиным, и сказал, что либо уйду в отпуск, либо лягу в госпиталь из-за постоянного повышенного кровяного давления, ибо не могу уже работать полтора года без отпуска. Ведь я уже не мальчик.

В общем, Пилюгин дал добро и с 15 декабря я в отпуске.

В обед зав. гостиницей опять надоедала мне с выселением. Вот баба, никак не может успокоиться.

Представляю себе картину, как американского подполковника где-нибудь на базе США в Турции или в Южной Америке толстая комендатша Мэри пытается выселить из виллы с джакузи, кондиционерами, голубым бассейном и розарием в какой-нибудь закуток глинобитного домика или частного индейского вигвама. И только потому, что у него в США есть жилплощадь с пропиской.

Ерунда какая-то!

Встретил как-то на улице зав. гостиницей с сыном, длинным и худым верзилкой – проникся даже каким-то сочувствием к ним. Видимо, кто-то обманул их и оставил здесь выживать. Уж кого-кого, а разведённых офицерских и прапорщицких баб здесь – хоть ежедневно устраивай соревнования «А ну-ка, девушки».

Что у нас за страна, властям которой до лампочки брошенные на произвол судьбы красивые статные их землячки-славянки, вынужденные выживать в гарнизонных дырах по всему Союзу!? Без надежды на возвращение в родную Россию, Украину или Белоруссию.

Становясь мусульманками и любовницами местных ханов и баев, они пополняют местные гаремы и стареют раньше времени, чтобы прокормить себя и своих детей. В какой ещё стране можно увидеть такой откровенный геноцид коренного народа, которого так воспитали, что ещё с времён победы над Золотой Ордой в дерьме, в нищете, но с империей в сердце зубами будет вгрызаться во всю эту среднеазиатскую прорву и платить дань совершенно чужим по духу и культуре народам как своим победителям. Бескорыстно отдавая к тому же этим любителям халявы и личной наживы исконно российские территории с русским населением в придачу. Объясняя такое откровенное предательство национальных интересов родины «интернациональной солидарностью и улучшением управляемости регионами».

Да ещё так обустроить жизнь, что мало кто из разведёнок желает возвращаться домой в голодное Поволжье, холодные и неосвоенные просторы Сибири и Дальнего Востока или Белоруссию с Украиной с разваливающимися от старости домами, допотопным хозяйством и чернобыльской радиацией в придачу.

Зачем надо было завоёвывать, обустраивать и удерживать силой всю эту неподъёмную разноязычную феодально-кочевую Орду, раскинувшуюся от Балтики и Центральной Европы на западе до границ Пакистана на юге и Японии на востоке, если сами живём с нерентабельным сельским хозяйством и отсталой промышленностью? Не лучше ли было развить сначала европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком, и уже затем их экономической мощью притягивать к себе соседей на взаимовыгодных условиях, как это делают все цивилизованные страны, ещё в средние века отказавшиеся от императива: «Государство – это всё, ты – ничто»?

Впрочем, что ещё можно ожидать от россиян, которые в ответ на бытовые трудности до сих пор ещё лепечут: «Сынок, всё переживём, и голод, и холод, и нищету – лишь бы войны не было!». Последнюю рубашку дадут с себя снять – лишь бы, как они наивно думают, какому-нибудь негру в Африке жилось чуточку лучше. А свою плохую жизнь объясняют заученными фразами политработников, что, мол, мы окружены со всех сторон врагами, которые спят и видят нас завоёванными, а посему все средства страны уходят на вооружение.

Совсем недавно в нашем полку повесился замполит учебного батальона, и теперь его вдова Маша с двумя детьми пополнила ряды разведёнок. Видимо, из-за того, что её мужу надоело дурить головы людям.

Слышал, что в 70-х годах на Балтике какой-то капитан-политработник поднял бунт на корабле против советской власти со стрельбой и убитыми. Неужели это первые ласточки? Неужели не всё ещё потеряно?

А то в единственной в Термезе православной церкви 19 века командование устроило спортзал. По этому поводу хорошо сказал архимандрит Алипий на заявление одного советского чиновника, что Бога нет: «Да откуда ему взяться, если вы упразднили душу».

Отсюда и высокие цены, убогий ассортимент товаров, отвратительное качество продуктов и лютая ненависть каждого к каждому, прущая из всех щелей.

Уж очень обидно за свою разорённую и бездуховную державу!

Завтра иду в наряд и завтра опять занятия по боевой готовности.

Доживу ли до 15 декабря?

Новикову вчера объявили вердикт суда – 6 лет вольного поселения.

13.12.86.

В 6.00. было построение всех офицеров и прапорщиков возле штаба полка для проверки тревожных чемоданов. После чего все отправились в клуб на занятия по боевой готовности.

В район никто не выезжал, и поэтому перед заступлением в наряд удалось часа полтора поспать. Олега днём не было в комнате.

15.12.86.

Вчера стоял в наряде дежурным по полку. Ночью мёрз в кителе и шинели. Дежурство было довольно-таки хлопотным в основном из-за столовой – тяжело следить за порядком в столовой, в которой принимают пищу полторы тысячи человек. К тому же постоянно отключали то воду, то свет. Пришлось побегать. Но сменился довольно рано, около 9 вечера, благодаря тому, что никого из начальства не было, все находились на занятиях, и докладывать о смене дежурства было некому.

Барабаш ходил сегодня весь день злой. Вчера в дивизионном учебном центре нашему солдату черпаком разбили переносицу. Солдата госпитализировали.

Сакаев куда-то пропал. Скорее всего, он в госпитале, ибо жаловался на здоровье. Вторую ночь хорошо выспался.

Пилюгин с утра опять метал громы и молнии. Оказывается, по понедельникам мы все должны присутствовать на подъёме.

В строевой части узнал, что отпуск у меня с 22 декабря.

Ничего, подожду. Главное, что лёд тронулся.

Был в комендатуре, где оформлял карточку посыльного. Ближе познакомился с комендантом гарнизона подполковником Совковым.

Слышал, как он грозился одному арестованному прапорщику «переб...ть нос замком» за то, что тот долго не мог открыть дверь одной камеры. Нет, не зря Бог создал женщин! С ними везде уютнее.

Сидел у Пилюгина на совещании. Минут 40 барабанные перепонки сотрясал крик – это начальник артиллерии полка орал на Васильева.

Олег Сакаев приехал из Ташкента. Он, оказывается, был в командировке.

В гостинице нос к носу встретился сразу с Парафейником и зав. гостиницей. Они уже вдвоём набросились на меня за то, что я не выселяюсь из комнаты.

Почему они только меня одного теребят с выселением? Ведь со мной из нашего полка живут ещё трое. И все они имеют квартиры в других гарнизонах. Знаю, что у Степанова и Сакаева квартиры в Ташкенте, в которых живут их семьи.

Видимо, всё дело в том, что, выселив меня из комнаты как старшего по званию и возрасту главного упрямца, они легко переселят в полковое общежитие остальных.

Я, как можно спокойнее, пытался объяснить им обоим, что недавно был на приёме у командира дивизии, и мне разрешили проживание в гостинице.

В ответ услышал, чтобы я немедленно убирался из комнаты, ибо из-за моего упрямства страдают семейные офицеры. На мой вопрос: мне что, опять идти на приём к командиру дивизии? – услышал: нет, теперь уже мы пойдём.

А зав. гостиницей ещё добавила, что в моё отсутствие собственноручно перенесёт все мои пожитки в каптёрку.

16.12.86.

Сегодня на подъёме был Васильев.

Барабаш сообщил, что в гарнизоне находится начальник штаба Ракетных войск и артиллерии округа.

Не дай Бог, если ему придётся представлять мои мобилизационные документы - в них чёрт ногу сломает.

В гарнизоне до сих пор работает комиссия, поэтому нервозность на службе продолжается.

Скорее бы эта комиссия делала свои выводы и катилась колбаской по Малой Спасской.

Видел вчера свой рапорт на отпуск. Рукой командира полка на нём резолюция: «НШ, пустить в отпуск с 20.12.».

Наконец-то! Хотя, Пилюгин всё равно может задержать отпуск, пока я не устраню недостатки.

Вчера получил единовременное денежное вознаграждение в размере 690 рублей с копейками. Командир полка отменил решение Пилюгина о 50%-ом удержании со всех офицеров дивизиона.

Барабаш – молодец, дай Бог ему здоровья!

Утром мне доложили, что с нашего ГАЗ-66 ночью украли стартер. Опять грядут неприятности.

По приказу Пилюгина провёл партсобрание дивизиона. Не собрание коммунистов, а один только смех. Присутствовали 3 коммуниста, из которых с правом голоса я один. Остальные кандидаты. Сам Пилюгин состоит на учёте в парторганизации управления полка.

И тем не менее после всех этих собраний приходится писать и зачитывать разную ахинею типа: повысить ответственность... усилить работу... закрепить за тем-то и тем-то объектом такого-то и такого-то коммуниста... добиться строгого выполнения распорядка дня и т.д.

Выходим за порог, и начисто забываем обо всех решениях. Князь продолжает не хотеть служить в армии, периодически ударяясь в бега, Васильев продолжает не выполнять приказы, я продолжаю изображать работу командира дивизиона, начальника штаба дивизиона, командира батареи, спортивного организатора, автослесаря, воспитателя солдат и т.д. А солдаты выполняют все приказы только тогда, когда стоишь у них над душой. Потому что всё это всем до лампочки. Разве можно подневольных людей заинтересовать одними пустыми словами?

17.12.86.

Вчера вечером прибежал посыльный и сообщил, что сегодня утром мне необходимо быть в полку в 6.30.

Я прибыл к половине 7-го, а оказалось, что нужно было прибыть на час раньше.

Встретил Барабаша, который, видимо, находился в хорошем расположении духа и ничего мне не сказал.

Оказывается, ждём визита в полк заместителя Командующего округа генерал-майора Роганова.

Вчера совещание у командира полка началось в 10 вечера и продолжалось до 1 часа ночи без перерыва.

Сегодня опять было совещание допоздна. Выступал Барабаш. Опять был крик и поднятие с мест офицеров для «проработки». Такое впечатление, что вокруг одни бездельники и тунеядцы.

После совещания все разбрелись по классам для отработки документов мобилизационного плана. Только под утро вернулся в гостиницу, и через два часа нужно было идти в полк на подъём.

С 1 марта начнётся развёртывание дивизии. К нам в дивизион прибывают 13 офицеров-запасников и 151 приписанных по военкоматам солдат.

От Олега узнал, что бывший наш начальник штаба дивизии полковник Хачатрянц в Афгане подорвался в БТРе на mine. С тяжёлым ранением находится где-то в госпитале в Союзе.

18.12.86.

Отпуск опять перенесли. Предстоят сборы командиров батальонов, дивизионов и их замов и только после них, возможно, уйду в отпуск. Знаю, что эти сборы запланированы ещё и на январь.

Видимо, не видать мне отпуска, как своих ушей. С 1979 года служу во фронтовом округе. А на фронте какие отпуска!

Разговаривал по телефону с Москвой. Сестра сообщила, что у её сына Николая где-то через 2 – 3 недели должен родиться внук или внучка. Сам Коля двухгодичником – лейтенантом, как окончивший московский Иняз им. Мориса Тореза, служит в Иванове, но к Новому году должен уволиться в запас.

Счастливей!

19.12.86.

Утром пришёл в полк в 5.30. Проводились показательные занятия по физической зарядке, которые проводил генерал-лейтенант Воробьёв.

Как всегда, много было суеты и нервозности.

Последний день работала комиссия. В 18.00. в Доме офицеров подводились итоги её работы.

Вчера вернулся в гостиницу в 11 вечера. Хожу сонный.

Пилюгин вчера устроил смотр экипировки, которую я привёз из Самарканда, оставшуюся мне после самаркандского развёртывания дивизии в январе 1985 года. По-моему, Пилюгин остался доволен.

22.12.86.

Наконец-то я в долгожданном отпуске! Наконец-то вырвался из этой фронтовой горячки.

20-го бегал по Термезу, снимал деньги со сберкнижки, покупал фрукты, мясо, которого нет в магазинной продаже в Самарканде.

Успел провести даже партийное собрание по приёму в КПСС Васильева и Дорофеева.

Впереди – целых полтора месяца отдыха. Даже не верится!

...

5.02.87.

Ехал из отпуска в Термез в плацкартном вагоне и вскоре оказался в «родной гостинице».

От Олега Сакаева узнал, что всех нас собираются выселить из комнаты уже под предлогом ремонта.

Вся артиллерия полка с 27 января находится на полигоне в районе «Уч Кизи́ла».

В полку сгорел один Урал-375.

Вчера два солдата в Шерабаде получили от своего сослуживца ранения из автомата так, что оба находятся в госпитале в тяжёлом состоянии.

21 января один солдат на посту застрелился.

В роте БТР два солдата угорели насмерть в машине.

Князь ушёл на подполковничью должность преподавателя военной кафедры в Ташкентский политехнический институт.

Будет теперь делиться опытом со студентами, как не в ущерб карьере ударяться в бега и отлынивать от службы.

Лексюткин стал генерал-майором.

Впереди ещё два дня отпуска и я от нечего делать прошёлся по городу. Из книжных новинок ничего нового.

Степанов и Сакаев на службе. Сижу один в комнате. Света и воды нет. На душе скребут кошки из-за возвращения в это пошехонье.

В общем, муторно и тоска смертная!

7.02.87.

Сегодня вышел на службу. Барабаша не было. Отдал документы в строевую часть, покрутился немного в полку и вернулся в гостиницу.

8.02.87.

Сегодня воскресенье. Встретил Валеру Мазура, приехавшего на сборы, с которым служил в Самарканде.

Предлагал мне отметить встречу. Я сказал, что не пью совсем с мая 1985 года.

Вечером не смог найти в полку двоих солдат дивизиона, оставшихся для обслуживания техники. Где они могут быть?

В гарнизоне, как всегда, много московских и окружных генералов и полковников для проверки дел в дивизии.

9.02.87.

Был в Доме офицеров на сборах, которые проводил начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Денисов.

На сборах присутствовали все начальники военных училищ и замы Командующего Округом.

Видел полковника Скородумова, под командованием которого я служил начальником артиллерии выводимого из Афганистана полка. Он уже командир дивизии.

На сборах также присутствовали: член военного совета Округа генерал-майор Панкратов, начальник штаба РВиА Округа генерал-майор Мешков, начальник политуправления Округа генерал-лейтенант Стефановский, начальник управления вооружения Округа генерал-майор Роганов, командир корпуса генерал-майор Шаповалов.

Выступал и Командующий Округом генерал армии Попов. Необычно было слышать из уст этого Героя Советского Союза за Афганистан поток бранных слов в адрес генералов и полковников, сидящих в зале. Как нашкодивших мальчишек распекал!

В перерыве видел полковника Бутько, который служил в Самарканде начальником политотдела дивизии и приложил свою руку к моему понижению в должности в угоду командиру дивизии полковнику Колеснику. Бутько уже служит в Самаркандском высшем военном командном автомобильном училище в должности начальника политотдела. При виде меня отвернул свою физиономию в сторону, сделав вид, что не заметил.

11.02.87.

Сегодня опять был на сборах. Разговорился с Валерой Мазуром. В дополнение к полученной информации в отпуске узнал, что в Самарканде уволили Игоря Быкова без необходимой выслуги для пенсии.

Все в самаркандской дивизии подстраиваются под нового командира дивизии генерал-майора Касымова, прибывшего с понижением в Самарканд с должности командира нашей Термезской дивизии. И приказавшего сразу же по прибытии вырубить все деревья на территории городка, а их места заасфальтировать. Теперь, по словам Валеры, в жару негде укрыться. А какая айва поспевала на деревьях!

Старшего лейтенанта Коваленко тоже уволили без пенсии.

Майора Жарикова посадили на 3 года за автокатастрофу с ранениями людей на своём личном автомобиле.

Кривцов и Шустер разжалованы из майоров в капитаны, и уволены в запас на пониженную пенсию.

Шустер не мог долго смириться с понижением в звании, писал жалобы во все инстанции, но вышло ещё хуже – его уволили из армии.

Несколько офицеров и прапорщиков отбывают по суду наказания на зоне за различные правонарушения, которые раньше никогда не подводились под статью УК.

Все эти офицеры были уволены по представлению ещё при Колеснике, поэтому и говорят, что репрессий стало меньше при новом комдиве.

Где-то увольняют офицеров раньше времени, а в нашей 4-й дивизии даже дезертиров-офицеров не могут уволить из армии. Видимо, всё дело в том, что в Самарканде служат старики, а здесь в Термезе «перспективная и дикорастущая молодёжь», которая всё меньше и меньше желает служить в армии. Меньше стало желающих и на гражданке поступать в военные училища.

Такое впечатление, что все мы на зоне, в которой власть захватили паханы в генеральских погонах и установили на ней свои порядки не по законам страны, а по понятиям при ссучившейся администрации зоны.

За всю мою службу я с таким явлением впервые сталкиваюсь.

Видимо, уж очень хочется окружным генералам пустить пыль в глаза перед руководством страны в афганской авантюре.

Ведь где ещё, как не на войне, можно получать в больших количествах звёзды на погоны и на грудь и новые более хлебные должности раздуваемого всего армейского бюрократического аппарата. Чтобы питаться бараниной и выуживать золотых рыбок из мутного афганского омута с молчаливого согласия всех травоядных. То есть всего населения, не способного к сопротивлению, ибо не доросло ещё до звания «общество», потому что в политическом устройстве страны такой элемент системы, как оппозиция, не предусмотрен. Некому защищать интересы всех обездоленных.

Поэтому только дураки в лампасах упустят такую возможность для карьерного роста – ведь это предоставленный судьбой реальный шанс, который не повторится в будущем. Тем более, когда в стране над афганским вопросом уже закружили голуби мира.

Вот и лезут паханы из кожи. Стараясь превратить в идеале войска округа в своего рода непобедимый кочевой союз племён гуннов (2 – 4 вв н.э.) с императивом всех варваров «Победа в войне или достойная гибель!», все воины которого, довольствуясь малым, спали, ели и отправляли естественные надобности прямо в сёдлах своих коней.

Как-то читал в газете «За рубежом», что в Федеративной Республике Германии, как и во многих других западноевропейских странах, по субботам, воскресеньям и праздничным дням во всех воинских частях личный состав, за исключением суточных нарядов и дежурных подразделений, распускается по домам. Руководства этих стран наивно полагает, что советских вояк может напугать их ядерное оружие сдерживания, поэтому странно, что наши доморощенные чингисханы упускают такой реальный шанс дойти до Ла-Манша всего за несколько дней католических праздников. Имея перед собой противостоящего противника лишь в виде караулов по охране складов и боеприпасов, да поваров с кухонными ножами и вилками.

Эх, не туда мы полезли в 1979 году, связавшись с афганскими моджахедами, для которых геройская смерть во имя Аллаха важнее жизни, и которые рассматривают её как подготовку к загробному Джаннату со всеми его

земными приятностями. Не отягощённые грамотой и знаниями, они эмпирическим путём добились беспроигрышной стратегии ведения боевых действий, при которой обстановка в оккупированной стране контролируется нашим командованием лишь возле мест дислокации воинских частей, и не более чем на дальность прямого выстрела. При этом духи (не зря мы их так уважительно называем) держат в напряжении все наши гарнизоны 40-й армии. Их и ядерным оружием с мощной ударной волной и световым излучением не вытравить из горных ущелий и пещер. Им и радиация не страшна. Воевать с ними - всё равно, что воевать с собственной тенью. А использовать оружие массового поражения – всё равно, что травить клопов керосином - вони много, а толку никакого.

А равнинная Европа поняла бы нас с первого же миномётного залпа. И, как Франция и другие европейские страны во Второй мировой войне, лишь для приличия, слегка посопротивлявшись, покорно бы легла под наши танки вместе со всеми своими ядерными арсеналами – какому цивилизованному человеку охота расставаться с жизнью, своей и своих близких? Или целому народу? Ведь правда, как ни крути, а со временем обязательно восторжествует, и Рим в очередной раз сделает человеками нахлынувших на него гомодикариусов. Так стоит ли рисковать собой, чтобы что-то изменить? Жизнь-то у всех одна, и за ней неизвестно ещё что, в отличие от твёрдой уверенности большинства мусульман в загробные сады Эдема, веселящие душу напитки без чувства завтрашнего похмелья, и готовых на всё чернооких, полногрудых девственниц, разносящих лакомства. В Европе же наших офицеров не в загробном, а ещё в этом мире ждут доступные в любое время дня и ночи пышногрудые ренуаровские тёлки с их непревзойдёнными любовными утехами. С услаждающим душу «бордо» и другими не менее изысканными напитками в придачу, вместо разного рода бормотушного вина, кислого пива и плевка из-под чадры афганки за невинный шлепок ей по попке.

Мне уже с «ночными бабочками» вряд ли играть в шахматы, да и жена как сексуальный партнёр меня вполне устраивает. Разрушать что-либо и грабить я никого не собираюсь, своего служебного максимума добился. А потому – лишь бы продержаться на завоёванных с большим трудом позициях до дембеля оставшиеся 2 года службы! А то запросто можно всего лишиться даже за один день недобора 25-летнего пенсионного стажа. Ведь я уже не перспективный молодой офицер и никто церемониться со мной не будет. Глупо в 42 года рассуждать, как старик. Но что поделаешь! Молодость есть средство для обеспечения старости, а я давно уже хожу по пенсионной грани, как по лезвию ножа, и старость не за горами. И, кроме болезней и душевного расстройства, ничего не заслужил своей безупречной 23-хлетней службой, на которую хожу каждый день как зомби, запрограммированный на полный срок службы. Ведь мне есть что терять, несмотря даже на то, что никто меня на моей родине в Москве не ждёт и никому я на ней, откровенно говоря, не нужен. Все близкие мне люди в столице давно уже на кладбище. На этот счёт

никакого крепкого тыла у меня нет, как у кочевника-гунна. С разницей лишь в том, что в отличие от него, жившего диким зверем всего лишь одним днём, я дорожу своей жизнью и надеюсь в недалёком уже будущем на место под солнцем для себя и своей семьи.

14.02.87.

Намучился за последние 2 дня. Вчера призвали в полк приписников на 30-часовые сборы. Всю ночь возился и размещал их на ночлег.

Узнал, что с моего денежного довольствия должны удержать 325 рублей и высчитали уже 80.

Недавно только погасил свой самаркандский долг в 2500 рублей за разграбленную солдатами технику, и теперь вот новые удержания. Оказывается, за пропажу 6.12.86 года с собовской (старшего офицера батареи) машины буссоли, радиостанции, десантного метеокомплекта и другого имущества с моего, Васильева, Князя и дежурного по парку жалованья командиром полка приказано удержать 1300 рублей на четверых. Расследование проводил майор Веретенцев, который, конечно же, не искал воров. А свёл всё расследование к «халатности должностных лиц дивизиона». При этом не учёл, что я пропавшее имущество не принимал, актов не составлял, да и по штату не мог отвечать за него. И ведь пожаловаться некому.

16.02.87.

Хотел уплатить за проживание, но зав. гостиницы деньги не взяла, заявив, что не знает, как с меня брать – то ли за проживание в общежитии, то ли как за гостиницу. Я молча спрятал деньги в карман, ничего не сказав ей в ответ. Почему все люди здесь такие злые? Наверное, потому что рабы не могут быть добрыми у тиранов, если в каждом из них живёт по примеру своего господина маленький тиран.

А с такими людьми страна разве может нормально развиваться, когда все эти заложники огромной и бестолковой империи ненавидят друг друга!? Ведь неустроенность в жизни порождает пессимизм и упадок во всём, упадок во всём создаёт зло, а зло порождает зло, ненависть друг к другу, зависть, безразличие и враньё. Приходится терпеть.

18.02.87.

Получил нагоняй на утреннем построении от начальника штаба полка подполковника Мир-Якубова за неприбытие вчера на совещание.

Олег ночью опять храпел, опять я не выспался.

19.02.87.

Я на полигоне «У трёх озёр» («Уч Кизиле»). Прибыл сюда ставить палаточный городок для предстоящего развёртывания полка. Нужно будет поставить всего 40 палаток.

Погода стоит хорошая. Тепло. На озёрах полно дичи. Плохо только с питанием.

Козлов с Дорофеевым руками наловили в озере карасей. На ужин была уха. Офицеры дивизиона с опаской при мне пьют – боятся, что заложу их начальству. Мне не хватало только записаться в стукачи. В армии ведь как, если ты не пьющий, значит потенциальный доносчик. Тем более, когда наш Генсек Горбачёв громогласно заявил, что «развёрнутая антиалкогольная кампания в стране не временная, а всерьёз и надолго».

Вспомнились стихи Игоря Губермана:

Ох, я боюсь людей непьющих -
Они опасные приятели:
Они потом в небесных куцах
Над нами будут надзиратели.

Я свою цистерну уже выпил.

Наверное, скоро все люди будут проклинать эту перестройку.

Ел жареных карасей. Довольно вкусно!

22.02.87.

Я в Термезе. Отпустили на 2 дня за пластиком.

Лежу в гостинице, соседей нет. Как хорошо!

24.02.87.

Я снова в лагере под Термезом. Пилюгину не понравилось моё двухдневное отсутствие. Отчитал меня и заодно Козлова за мою «самоволку».

Ночью опять плохо спал. Сначала разбудил наш начальник автослужбы пьяный майор Швец, чтобы показать, что он навеселе и чтобы мы вместе с ним веселились.

Потом бегали солдаты, включив приёмник на полную громкость.

Потом приехал ночью из Термеза майор Козлов и стал ставить задачи на ближайшее время.

Дров нет, солдаты топят печки разбросанными кругом отработанными автомобильными баллонами. Режут их на кусочки ножовкой и бросают в печь, рискуя получить какую-нибудь лёгочную болезнь.

От такого топлива постоянно засоряются трубы, и приходится их часто чистить.

От сажи лица солдат стали чёрными, как у негров.

Питания почти никакого.

Да, явно это не армия США, судя по сообщениям прессы, где солдаты на своих боевых машинах «Брэдли» могут в любой момент сорваться с боевых порядков в тыл, потому что нарушены условия контракта в виде не предоставления им охлаждённой «кока-колы».

Да что «кока-кола»! Наше командование может не разрешить госпитализацию в случае болезни кого-либо. И я знаю много случаев, когда офицеры и прапорщики в результате такого к ним отношения под предлогом предстоящей комиссии из Москвы или Округа, подготовки к учениям и тому подобным мероприятиям через какое-то время становились инвалидами, а то и теряли жизни.

Отзывали офицеров из отпусков, санаториев, госпиталей из-за того лишь, что кто-то из подчинённых отпускника или лечащегося напился, ушёл в самоволку или набил кому-нибудь морду. Задерживали отпуска под предлогом устранения недостатков, - самый лучший способ заставить подчинённого хоть что-то сделать. Без восстановления потерянных дней отдыха, чтобы «заинтересовать» человека. Вот почему в армии в ходу поговорка «ЧЧВ», что означает «человек человеку – волк».

Не армия, а самый настоящий ГУЛАГ, в котором у офицера меньше прав, чем у дрессированной жучки. Не Министр обороны, а тиранозавр, поддерживающий это насилие и запугивающий своих жертв, чтобы послушнее были. Всё решается наверху. Не имея возможности изменить ситуацию, люди принимают всё как должное, ибо боятся перечесть начальству. Сломать волю к сопротивлению, убить веру в справедливость – главные задачи, которые решает образ «злого командования». И решает успешно.

Уволиться из армии молодым невозможно, а по болезни – нужно быть миллионером или иметь мохнатую лапу на самом верху, чтобы подкупить всех членов военно-врачебной комиссии или добиться сверху благоприятного решения вопроса. Язвы, инфаркты, инсульты, открытые и закрытые черепно-мозговые травмы и т.д. – всё согласно приказу Минобороны ещё от 1963 года - на усмотрение ВВК и «в индивидуальном порядке», и я не знаю ни одного случая увольнения офицера по болезни. Переводы в округ с более щадящим климатом – да, несколько раз на моей памяти имели место. Но гораздо больше было покойников, так и не добившихся хотя бы перевода в другой округ по причине серьёзных инфекционных болезней своих или членов семьи. А в ТуркВО каждый второй офицер или прапорщик ходит с перенесённой желтухой или тифом. Значит, с повреждённой печенью. А то и по несколько раз переболевший всеми этими болезнями. Я уж не говорю о хронической гипертонии, при которой противопоказан жаркий климат, частых пищевых отравлениях, дизентерии, ветряной оспе и других инфекционных болезнях, распространённых в туркестанском жарком климате в условиях повсеместной антисанитарии и допотопной медицины. Где члены семьи к

тому же, согласно приказу Минобороны почему-то не имеют права лечиться в гарнизонных госпиталях. В которых уровень обеспечения необходимыми медикаментами намного выше, чем в гражданских. Но почему-то в этих гарнизонных госпиталях лечится много гражданских аксакалов, не имеющих никакого отношения к армии.

Поэтому многим офицерам и прапорщикам в случае болезни кого-либо из близких приходится буквально на коленях вымаливать у военных эскулапов самые элементарные лекарства, которых никогда не было в гражданских больницах Туркмении и Узбекистана.

А если и оказались случайно, то за каждый укол приходится платить от 3-х до 10 рублей.

Отсюда и повышенная по сравнению с другими смертность в Туркестанском военном круге.

26.02.87.

В 12 часов ночи приехали Пилюгин и Козлов из Термеза. Опять крик и дикая брань. Приказали мне проверить охрану техники в 3 часа ночи.

Пришлось, не выспавшись, подниматься и идти в парк. Солдаты, конечно же, спали, двигатели машин, конечно же, работали.

Пишу конспекты для занятий. Хоть немного отвлекусь от этого бесконечного дёрганья. Весь день с улицы раздаётся крик Пилюгина. Как его хватает на такой душевный и физический напряг? При таком усердии и не в высших эшелонах власти?! Ведь вся дисциплина в частях и подразделениях держится на таких крикунах с явными признаками психического отклонения?

В армии, вообще, трудно разобраться, кто с вывихом в мозгах, а кто нет. В разное время приходилось общаться с вроде бы нормальными офицерами, логично рассуждающими, вежливыми и уравновешенными, а завтра узнаю – они уже в дурдоме и в смирительных рубашках.

А все орудия благим матом с утра до вечера на своих подчинённых, бросая в них попавшиеся под руку предметы, брызжа в лицо слюной с площадной бранью, а то и с тумаками – нормальные, требовательные и перспективные офицеры. Без жёсткости, требовательности и постоянного контроля, наверное, нельзя в нашей армии руководить ленивой, пьяной и вороватой людской массой, когда другого воздействия на незаинтересованных ни в чём людей нет. Поэтому и стёрлись в армии все психологические и психические критерии подбора офицеров на вышестоящие должности. Руководствуясь принципом: «кричит – значит требовательный». Всё это идёт с самого верха. Советская власть не может себе позволить быть доброй, ибо в противном случае она лишится монополии и бесконтрольности со стороны общества. Люди начнут требовать социальных благ, а это расходы и затраты. За социальными требованиями последуют политические. Поэтому лучше всего всех рабов держать в чёрном теле, т.е. в нищете и бесправии. В таком

состоянии человеку не до высоких материй. Ещё кардинал Ришелье наставлял: «Народ – это мул, который больше портится от праздности, чем от работы». Поэтому мул должен пахать, не зная передышки, чтобы у него не оставалось сил ни на что другое. Что, в общем-то, судя по всему, плохо получается у советского руководства, если все мы живём так хреново. Впрочем, больших успехов в этом вопросе не наблюдалось и при царском режиме. Когда российскому Императору Александру Первому под Аустерлицем кто-то из австрийских генералов сделал комплимент по поводу грамотного, с большим знанием дела обустройства лагеря Русской армии, он ответил: «Увы, это заслуга моих немцев. Русские, к сожалению, на это не способны, все они либо плуты, либо пьяницы, либо просто бездельники». Наверное, и я такой же. Ведь я по рождению и документам русский и, наверное, мало чем отличаюсь от среднестатистического русского философствующего созерцателя. Мать русская, отец литовец, умерший, когда мне было 12 лет. И где-нибудь, окажись я за границей, из отупевшего на долгой службе совка я уже не стану богатым и талантливым – «как надену португею – всё тупею и тупею». А вот многие русские, оказавшиеся за рубежом, совершали и совершают чудеса перевоплощения и достигают больших успехов в науках, в искусстве и в бизнесе. Хотя здесь они были ленивыми и безынициативными.

Почему в нашей стране до сих пор не созданы условия для раскрытия талантов? Почему везде либо повальная спячка, либо повсеместная суэта перед какой-нибудь проверкой? И всё на фоне непрекращающегося пьянства, воровства, неразберихи во всём, и без зелёного света инициативе? А вообще интересно, что было бы, если б я осмелился публично говорить то, о чём думаю? Скорее всего, раза с третьего-четвёртого, разобравшись, что я несу антисоветчину, отправили б в дурдом, не удостоив чести быть причисленным к соратникам генерала Григоренко, единственному пока известному армейскому генералу-диссиденту, бросившему вызов системе, которого, признав шизоидом, вытурили в США. У меня же не тот уровень положения в обществе, чтобы удостоиться чести быть изгнанным на Запад, поэтому не церемонясь, меня бы просто вытурили из армии с диагнозом вялотекущей шизофрении и с волчьим билетом в кармане. Несмотря даже на то, что многие офицеры и даже политработники, с которыми мне приходилось трапезничать или просто беседовать в приватной беседе, разделяют мои взгляды. Вряд ли делают только вид. По-моему, таких рефлексирующих субъектов, как я, в армии с каждым днём становится всё больше. Свидетельством чему – некоторые послабления режима службы. Ещё год назад в Термезе или в другом захолустном гарнизоне можно было всю офицерскую службу прослужить на одном месте, если не попал под замену в загранку или не поступил в академию. А недавно некоторые гарнизоны округа для офицеров сделали заменяемыми с 5-летним сроком службы, в том числе и Термезский.

К солдатам стали допускать родителей, в спешном порядке создавая комнаты для свиданий, стали реагировать на жалобы, повесили ящики для подачи жалоб. Добавили на зимних квартирах в рацион питания солдат сливочное масло, сгущёнку и конфеты. И всё это за несколько последних месяцев. Политические анекдоты, за которые ещё в 50-х годах можно было серьёзно пострадать, уже везде можно услышать. По-моему, всё. Не густо для казарменной неволи, но всё же.

27.02.87.

По утрам и вечерам моюсь в озере. Вода мутная и прохладная при дневной температуре воздуха где-то 25 градусов тепла. Пилюгин приказом командира полка назначен начальником лагерного сбора, я – начальником штаба лагерного сбора. Вода в озере стала вдруг прибывать. Из-за неё пришлось выше перетаскивать кухонное хозяйство.

28.02.87.

Последний день зимы и ещё один служебный месяц вон из жизни. Обратил внимание, что в лагере стало тихо, как на кладбище. Оказалось, что Пилюгин уехал в Термез. Вода подступает уже к палаткам. Если она и дальше так будет прибывать, то придётся и весь палаточный городок поднимать на гору. Сдал всё имущество командирам подразделений.

1.03.87.

Да здравствует весна!
Послезавтра должны прибывать офицеры запаса, а с 7 на 8 марта личный состав, приписанный к нашему дивизиону из военкоматов. Стоит жаркая погода. Днём градусов 30. Несмотря на не проходящий кашель споласкиваюсь каждый день в озере. Эвакуация!!! Вода подступила вплотную к границам лагеря. Крупно поругался с Пилюгиным – до чёртиков надоел его звонкий голос, от которого нет покоя ни днём, ни ночью!

Стараюсь, как можно реже заходить в офицерскую палатку. Как зайду в неё, сразу начинаются расспросы, постановки задач, ругань. Пора мне уже внуков нянчить, а я как ишак караванский таскаюсь по пустыням. Несколько дней назад в Шерабаде ранило солдата из гранатомёта. Он при учебной стрельбе стоял сзади, и ему сильно обожгло лицо.

2.03.87.

Боже, как надоел уже этот крик! Сил никаких нет. Пилюгин с самого ранья всех взводит своей суетливостью. Мне кажется, что гораздо легче вагоны с углём разгружать каждый день, чем каждый день слышать и видеть его рожу!

3.03.87.

Трудный выдался день, несмотря даже на то, что Пилюгина не было в лагере, и я ночью хорошо выспался.

Весь световой день переставляли палатки, ибо вода к ним подкралась уже вплотную.

4.03.87.

Вчера и сегодня лил дождь. Настроения никакого.

Вчера 3-й батальон прибыл в составе 56 человек вместе с офицерами.

Я уже стал грязным, как чёрт. Надо будет сегодня помыться в озере.

Ночь спал неплохо, несмотря на то, что лёг в 12, а проснулся в 5.

Был у Барабаша на совещании. Пришлось выслушать много нелицеприятных слов в свой адрес.

5.03.87.

Козлов с утра поцапался с Васильевым, на меня наорал.

Из старого лагеря вывезли почти всё имущество.

Зашёл в тупик с нарядом – Козлов и командир батальона капитан Никитин не дают людей для суточного несения службы. Что тут делать?

9 марта 3-й батальон убывает в Шерабад.

Дождь всё льёт, как из ведра.

Разговорился с прибывшим к нам из Афгана в полк новым командиром батальона майором Толстолоцким.

30 декабря 1985 года он подорвался в ДРА на mine на БМП, на которой ехал на броне. Взрыв фугаса оказался такой силы, что перевернул машину, и его придавило бронёй так, что оказались повреждёнными печень, селезёнка и сломаны 6 рёбер.

Ему вручили орден «Красной Звезды» и после почти полуторагодового лечения в Ташкенте отправили к нам в желтушно-тифозный Термез.

«На медленную и верную гибель до первой заразной болезни», - пронеслось у меня в голове.

Сегодня провёл первое занятие с офицерами-приписниками.

6.03.87.

На улице пасмурно и прохладно.

Получается, что во всём лагере я постоянный старший, ибо начальство всё время куда-то срывается, и все лагерные бугры лезут ко мне со своими проблемами. Приходится шевелить мозгами и брать ответственность на себя за принимаемые решения.

Только увидел Пилюгина и про себя подумал: щас - как заорёт! Как в воду глядел. Пришлось принять очередную порцию матерной брани.

Встретил в лагере Степанова. Нас пока из гостиницы не выселили, но всё идёт к этому. Могут даже в наше отсутствие очистить нашу комнату от вещей.

Заявлю, что пропали 1000 чеков и золотые вещи в подарок для жены, твёрдо зная, что вряд ли кто-нибудь будет разбираться по моему заявлению.

С устного разрешения Козлова готов был выехать на побывку в Термез для приведения себя в порядок, но Пилюгин отменил выезд. Все мои планы расстроились.

Теперь я на озере мою БТРа. Один засосало песком так, что два БТРа не смогли вытащить. Только вызванный с учебного центра танковый тягач справился с этой задачей. У застрявшего БТРа, как их здесь называют ласково «Бэтра», полетела раздаточная коробка.

7.03.87.

С утра идёт дождь, и стало вдруг холодно. Пилюгин и Козлов на командно-штабных учениях. Без них, как в раю.

Булдаков опять отказался выставлять наряд по столовой. Козлов своих людей не даёт тоже. 3-й МСБ уже третий день подряд несёт службу. Командира РХО не вижу уже третий день, разведчика тоже. Как с таким отношением организовать службу в лагере? Начальники приедут – опять будет крик.

8.03.87.

Опять плохо спал всю ночь. Прапорщик с ПХД разбудил в 4 утра и сообщил, что не может найти наряд по столовой.

Пришлось вставать, разбираться.

Только что видел Пилюгина. Что-то он не поделил с командиром взвода связи, и я в таком душевном состоянии его никогда ещё не видел. Это было что-то! Он был так взбешён, что казалось, вот-вот начнёт кататься по земле, хватать руками воздух и орать благим матом.

Бедная Советская Армия! Вот на таких офицерах она только и держится. Иначе б давно был кирдык всем Вооружённым Силам СССР.

Сейчас, слава Богу, тишина. Но до сих пор стоит звон в ушах от крика и, по-моему, я стал даже хуже слышать на одно ухо. В глазах прыгают зайчики. Голова раскалывается несколько дней подряд.

9.03.87.

Ну и денёк вчера был!

Началось развёртывание. Штат дивизиона изменился, а мне никто об этом не сообщил. Пришлось в срочном порядке переделывать книги учёта личного состава, штатно-должностные списки и другие документы. Начальство разнервничалось, в лицо летели папки, карандаши и дикая брань.

А впереди ещё 20 напряжённых дней развёртывания! Хватит ли сил, чтоб не свихнуться или не сотворить какую-нибудь глупость?

Погода стоит жаркая, и я при первом же удобном случае иду к озеру. Вода, хоть и ледяная, но хорошо лечит душевные раны. После водных процедур, как на эшафот, иду за новой дозой крепких русских слов – нашего народного достояния. Слышал, что благодаря русскому мату мы выиграли Великую Отечественную. Очень даже может быть. Как говорится: «Солдат, люби свою Родину, твою мать».

10.03.87.

Совершенно не спал двое суток. Всю ночь принимал и размещал прибывающий личный состав. Голова раскалывается, и нигде нет хоть каких-нибудь таблеток от головной боли.

11.03.87.

Третий день развёртывания. Ночью меня так достал Пилюгин, что в 4 утра ушёл с совещания из офицерской палатки, залез на вещевом складе на матрасы и, укрывшись брезентом, поспал где-то один час.

В 6 утра подняли приписников или, как мы их называем, партизан.

Почти весь день был сегодня на стрельбище. Тоскливо было возвращаться обратно в лагерь к Пилюгину.

12.03.87.

4-й день развёртывания. Замучился вконец. Хочется бросить всё и бежать без оглядки от этого ужаса.

Вчера опять в один час ночи ушёл спать на вещевой склад, потому что в офицерской палатке находиться невозможно. Пилюгин с Козловым постоянно суетятся и донимают своей требовательностью. Когда они оба спят по ночам? У меня от бессонницы голова уже будто сдавлена тисками и вот-вот лопнет.

Причём, только в нашей палатке все офицеры на таком режиме. Во всех остальных палатках по ночам темно.

В час ночи опять ушёл на вещевой склад и проспал в нём до 3-х часов ночи. Пилюгин при виде меня ничего не сказал, думая, наверное, что я решал служебные вопросы. А как ещё хоть немного выспаться?

От меня требуют за дивизион службу войск, документацию, порядок во всех батареях. Как всё это обеспечить, если партизаны (в основном все узбеки) разбегаются по полигону, и собрать их до кучи почти невозможно. Это не 70-ые годы. Не только узбеки, а и все гражданские с тех пор стали другими. Их уже ничем не испугаешь. И мало чем заинтересуешь в нашей перестроечно - базарной жизни.

Единственный писарь в артиллерии Хиврич в наглую отказывается работать.

Везде сплошное неповиновение и чтобы работать со всей этой толпой, нужны железные нервы.

Рукомойников до сих пор нет. Весь полк умывается в озере. Питание в столовой отвратительное.

Отработал почти все документы по ружейной комнате. Пришлось самому сесть за писаря.

Всё время хочется спать. На улице днём жарко.

При метании боевых ручных гранат осколком в голову был ранен капитан Дорофеев. Его госпитализировали. Теперь и за него придётся работать.

13.03.87.

5-й день развёртывания.

Что-то я совсем стал туго соображать. Растерялся. Не знаю даже за что хвататься. От поставленных задач голова идёт кругом. В спокойной обстановке я бы разобрался что к чему, но с нашим начальством вряд ли. Баранами, наверное, легче управлять, чем всем этим караван-сараям. К тому же за всё спрос с меня: связь, взвод управления дивизиона, документацию, службу в нарядах, политзанятия, - за всё приходится отвечать, а помощников нет.

К тому же за полученным под расписку имуществом нужен глаз да глаз, а то никогда не вылезу из долговой ямы.

Вчера лёг спать в 12 ночи. В 5.40. был уже на ногах. Шёл дождь, и было холодно.

До сих пор хожу в шинели, ибо Пилюгин не пускает в Термез за полевой формой.

Почти месяц на полигоне и ни одного дня отдыха.

Сегодня на партсобрании разбирали Васильева за грубость с Пилюгиным. Опять крик и громогласное сотрясение воздуха.

Ружейная комната до сих пор не готова – 1-я батарея никак не может закончить оформление.

Наконец-то в полку организовали баню.

14.03.87.

На занятиях по спецподготовке поругался с Козловым и сгоряча написал рапорт на увольнение из армии.

Не могу больше. Нервы не выдержали. Будь что будет.

16.03.87.

Вчера утром, ни у кого не отпросившись и не позавтракав, уехал в Термез. В общежитии привёл себя в порядок. Пошёл в город и даже посмотрел фильм «Зонтик для новобрачных».

Фильм понравился, особенно актриса Ожелите, которую на экране видел впервые.

Прошёлся по городу.

Сегодня в середине дня вернулся в лагерь. Представляю, какой поднимется крик, когда меня увидят.

17.03.87.

Ничего не изменилось. По-прежнему я не у дел. Хожу, слоняюсь по лагерю без дела.

Думал опять выехать в Термез, но раздумал. Не надо дразнить быка красной тряпкой.

Пилюгина и Козлова в лагере нет, и неизвестность пугает всё больше и больше!

18.03.87.

Помирился с Козловым и Пилюгиным. К моему удивлению, крика не было. Надо с начальством жить дружно, а то коту под хвост вся долголетняя служба.

Было б, наверное, гораздо хуже, если б мои начальники лишь холодно усмехались и хранили молчание, чтобы в какой-то момент вежливо сообщить: «Мы очень сожалеем, но наша фирма больше в ваших услугах не нуждается». Думаю, что до того времени, когда на смену всей этой махновщине придут трезвый расчёт и безжалостный отбор, ещё далеко. А посему надо радоваться этому дурдому, из которого есть один только выход по воле Главкома Сухопутных войск, до которого, как до Луны любому командиру и начальнику.

С Барабашом только вышла промашка. Он заявил, что дал ход моему рапорту, а если ещё раз на меня пожалуются, предаст суду офицерской чести.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А вдруг действительно рапорт пойдёт на самый верх?!

Впрочем, будь что будет.

Вчера уже проводил занятия с разведчиками.

Приехал 3 батальон. В лагере стало шумно.

19.03.87.

В 4.30 утра подняли дивизион по тревоге. Вся колонна была на марше. На улице жара.

Только что с занятых огневых позиций на учениях выпустили 20 осветительных снарядов из своей штатной гаубицы М-30. Сообщили, что с большим отклонением от целей.

Вроде всё правильно делали.

20.03.87.

До 4-х утра сматывал связь с двумя партизанами. Прибыл в лагерь в половине 5-го. До 5 разбирался с оружием. Лёг отдыхать в начале 6-го. Встал через полчаса, ибо партизаны отказались от завтрака.

Получил нагоняй за вчерашнюю стрельбу. И хрен с ним, главное, что никого не убило.

Сейчас все повально спят.

На улице ветер и довольно холодно.

21.03.87.

Подняли всех в 5.30. В 7.00. готовность дивизиона к маршу на полковые учения и марш.

17.10. Я на огневой позиции (ОП-1). Нахожусь за перевалом Актау в горах.

Холодно, а я легко одет. Ночью буду мучиться.

Только что пообедал несколькими сардинами в масле из банки на троих.

Команд никаких нет. Партизаны режутся в карты. Чем бы дитя не тешилось...

Накрапывает дождь.

22.03.87.

Ночь была кошмарной из-за холода и сильного ветра. До 11 вечера пытался покемарить немного у костра – не получилось, холодно.

Поэтому всю ночь пришлось сидеть в МТ-ЛБ (многоцелевой тягач легкобронированный), скрючившись, ибо набилось много народа, и буквально некуда было вытянуть затекшие ноги. Никакого отдыха не было,

хорошо хоть было тепло. В дополнение ко всем неудобствам с потолка этой железки постоянно капал конденсат дождём от дыхания множества людей.

На улице дождь со снегом и сильный ветер.

В 15.50. оборудовали запасную огневую позицию

Завтра начало учений.

23.03.87.

Подняли в 5 утра. Затем завтрак и в 9.00. начало наступления.

Опять неразбериха и нервогрёпка. На батарее дают холостые выстрелы.

Бедная Советская Армия – нет уже средств на боевые снаряды!

Ветра уже нет и довольно тепло. Ночь опять провёл в МТ-ЛБ.

Наступление полка Лупало планируется в 10.20.

В 14.00. закончилось наступление. Сейчас возле моей огневой позиции стоят танки.

Что дальше по плану – не знаю.

Обед был очень вкусным: суп, жареная картошка, мясо, на десерт молоко. До этого поневоле пришлось сидеть на голодном пайке. Чувствую себя хорошо.

17.05. заняли ОП-3 в глубине обороны. Партизаны с явной неохотой уже роют окопы. Приходится покрикивать на них.

3-и сутки уже в поле.

24.03.87.

Ещё одна кошмарная ночь позади. Спал в яме старшего офицера батареи, если это бдение до половины третьего ночи можно назвать сном. Холод был дикий. Встал и до полшестого просидел у костра с партизанами.

Утром опять была ругань.

Первый раз за три дня хорошо помылся. Чувствую теперь себя свежо и бодро.

Только что от меня уехал Пилюгин. Он пытался вдолбить партизанам прописные истины, стал кричать на них за плохое инженерное оборудование огневой позиции – они его в ответ осмеяли и освистали. Пилюгин уехал обиженным. Теперь, наверное, на мне сорвёт весь свой накопившийся на меня гнев и за партизан и за мою работу на огневой позиции.

Это узбекское ополчение начинает уже выходить из повиновения. Перестали даже изображать работу. Кучкуются и не обращают внимания на приказы и окрики.

4-е сутки без сна и отдыха.

12.50. Всё, учения закончились! Объявлено общее построение для проверки наличия людей и оружия.

Слава Богу!!! Все ходят весёлые, улыбаются. Как мало надо человеку для счастья. Всего лишь прекратить мучения. Как говорил в Вильнюсе мой начальник РВиА 31-й мотострелковой дивизии полковник Быченко: «Нам не нужна ваша работа, нам нужны ваши мучения».

25.03.87.

Сдаём имущество на склады. На улице жара, градусов 30. Вчера вечером сильно болела голова. Лёг спать где-то в 10 вечера, несмотря на объявленную общеполковую вечернюю поверку. За что опять утром на меня набросился Пилюгин с матюгами. В 6 утра поднял взвод управления.

26.03.87.

Вчера основательно помылся в озере, постирался и даже успел побриться своей электрической машинкой до того, как сломался движок. Сдал всё оружие, и теперь я ни к чему не привязан.

У партизан произошло несколько краж: у офицеров украли в общей сложности 300 рублей, у двоих рядовых гражданские брюки, у лейтенанта Шакирова всю гражданскую одежду.

27.03.87.

Встал без 5 шесть. Поднял личный состав. После завтрака всех людей отправил в парк обслуживать технику.

29.03.87.

Прибыл в Термез с 10-ю людьми для обслуживания техники и постановки орудий на стоянки.

Был сегодня у кадровиков дивизии. Узнал, что я опять включён в списки замены.

Завтра распускаем всех партизан. На складе пропало несколько мешков с их гражданской одеждой.

31.03.87.

Открыл штатно-должностную книгу, а в ней мой рапорт об увольнении из армии, подписанный только Козловым. Ни Пилюгина, ни Барабаша подписей нет. Значит, пронесло и ещё какое-то время буду на плаву. Вдруг, действительно, удастся набрать выслугу? Тут же порвал этот рапорт на мелкие кусочки.

3.04.87.

Я на партактиве в Гарнизонном доме офицеров.

Выступали: начальник особого отдела дивизии подполковник Третьяк, секретарь партийной комиссии подполковник Пилипенко. На партактиве присутствовал генерал-лейтенант Воробьёв.

Узнал, что в нашей дивизии 1250 офицеров. Многие находятся в бегах. А лейтенант Омельченко из Нахичеванского полка не появляется на службе уже целый год.

Критиковали начальника отдела кадров дивизии подполковника Лаврова.

Утром встретил на улице врача майора Нестеренко Мишу, с которым вместе служили в Самарканде. Его перевели сюда в Термезский госпиталь уже из Кушки и с понижением в должности. Мило побеседовали.

Прочёл статью в газете «Правда» об обстреле душманами таджикского города Пяндж. Погиб один человек, несколько получили ранения. Вот оно, началось! Как говорится, за всё нужно платить, а за имперские амбиции тоже.

В статье упоминается знакомая мне по Афгану фамилия полковника Борового.

Васильев в госпитале с тифом, Козлов в понедельник уезжает в командировку в Байсун. Пилюгин в Ташкенте.

Я в дивизионе из офицеров пока один.

5.04.87.

Воскресенье. Был на подъёме и в 7.00. в парке «Дустлик» с солдатами дивизиона.

В городском парке на кроссовой подготовке находились уже:

Барабаш, Садчиков, Аникин, Мир-Якубов и другие офицеры. Все в готовности №1 к 3-километровому кроссу.

Мои солдатики пробежали плохо. Барабаш приказал им бежать по новому кругу.

После кросса сделал себе выходной. В ГДО был на представлении некоего Душина «Психологические опыты».

Представление понравилось.

6.04.87.

Утром провёл политинформацию в подразделении.

Не переставая, льёт дождь.

Получил письмо из Москвы от Эльвины. Пишет, что была на 70-летию Анатолия Ивановича Рыбакова. Он до сих пор возглавляет НИИ стоматологии на ул. Тимура Фрунзе.

Помню его по 50-ым годам, когда он жил в доме №18 по пер. Хользунова, как его окрестили местные жители, «Генеральском». В коммуналках которого обитали семьи преподавателей и слушателей Высшей военной академии им. Ворошилова.

Профессор Рыбаков А.И. жил тогда в квартире со своей женой Раей Сухомлиной и дочерью Татьяной у своего тестя генерал-лейтенанта Сухомлина А.В., который в годы ВОВ командовал 10-й гвардейской армией под Смоленском.

В этой же квартире жил и мой друг Володя Сухомлин со своей бабушкой и дядей. Сегодня Володя профессор МГУ!

Как дружно мы тогда все жили, и как давно это было!

Сегодня прилетает Пилюгин из Ташкента, где он, очевидно, выбивал для себя тёплую полковничью должность в штабе Округа. Хоть бы он поездом ездил, а то аки демон на крыльях спешит к нам, чтобы терзать наши души своими когтями. Значит, конец моей вольнице.

7.04.87.

Навестил Васильева и Дорофеева в госпитале. Где-то в мае или начале июня Васильев появится на службе.

Дорофеев сегодня выписывается.

Видел Пилюгина из окна класса. Он галопом мчался в штаб полка и больше не показывался мне на глаза.

Сижу на заседании партбюро. Говорят что-то о комсомольской работе. Только что заслушали Русакова. Пытали начальника штаба 2-го учебного батальона капитана Ярошенко, а вслед за ним секретаря ВЛКСМ полка Емельянова.

Рассматривали дело Худайбердыева, в подразделении которого погибли от угара 2 солдата, о чём я уже писал.

Теперь мучают замполита роты БТР Гурьянова.

Меня опять миновала сия чаша.

8.04.87.

При вскрытии парка на одной машине не оказалось одной фары. Опять платить. Что у нас за народ – воруют всё подряд?!

Пилюгин сегодня опять уезжает в командировку. Я опять остаюсь в единственном числе.

10.04.87.

Утром от Мир-Якубова получил втык за захламленность кузовов машин. А куда всё это имущество девать?

12.04.87.

Получился выходной.

Сегодня День Космонавтики!

Помню, какой ажиотаж был в этот день 26 лет назад. Как тогда ликовала Москва со всей страной!

13.04.87.

Барабаш злой был с утра на меня – никого из офицеров-артиллеристов не было вчера на спортивном празднике. Должен был придти Дорофеев.

Придётся его опять наказать выговором.

Люди с партийными билетами в карманах не желают служить в армии, а я всегда остаюсь крайним.

Со своими солдатами проводил политинформацию и убедился, что никто из них не знает ни космонавта Гагарина, ни космонавта Титова, представления не имеют о высадке американских астронавтов на Луне в 1969 году. Всем всё по барабану! Надо было мне родиться абреком где-нибудь в высокогорном ауле на Кавказе. Никаких проблем и этой постоянной душевной рефлексии из-за прочитанных книг и газет.

Вчера в полк был доставлен весь в крови в невменяемом состоянии замполит ремроты. Его как истинного политработника потянуло в Обком партии, где он устроил по пьяни дебош, - в кабинете выбил несколько стёкол, порвал нескольким женщинам-узбечкам платья, разбил вдребезги пишущую машинку. После чего появился у Дома связи, где также разбил несколько окон.

Странные нынче увлечения на досуге у политработников. Нет, чтоб изучать первоисточники и труды классиков марксизма-ленинизма, так они вон на что расходуют свою молодую энергию!

17.04.87.

Зав. гостиницей сама мне предложила оплатить проживание за прошедшие 5 месяцев как за общежитие 63 рубля 50 коп. Наконец-то пошла на попятную. К тому же недавно возле штаба дивизии я повстречался с Парафейником, который ни слова не сказал мне о выселении, и мы с ним даже поздоровались за руки.

19.04.87.

Читал, что в СССР уже 32 человека больны СПИДОМ. Из них 2 наших, остальные иностранцы.

Степанов из подвала казармы принёс в нашу комнату телевизор, ибо старый сломался окончательно. Теперь будет веселее.
Слышал одно хорошее изречение, приписываемое драматургу Островскому: «Кто дольше служит, тот больше тужит».

20.04.87.

Сегодня в ГДО собрание офицеров – начало весенней проверки. Дай, Бог, чтобы пронесло. А то ещё до командира батареи разжалуют. Вот будет смеха – подполковник на капитанской должности. Наши начальники на всё способны. Недавно в нашу дивизию прибыл ещё один майор на капитанскую должность.

Где же вы, брежневские времена! Когда офицеров снижали в должности или понижали в звании очень редко, и уже в таком перезрелом виде, когда все в полку с одобрением воспринимали этот исключительный вид наказания по реальным делам и поведению надоевшего всем сослуживца, которого в пору в тюрьму сажать. А до этого долго и упорно все ждали, когда он, наконец, «начнёт расти над собой».

А в настоящее время повально, так сурово и в основном по пустякам наказывают только тех, которым есть что терять, и на которых держится вся армия. Ибо молодые офицеры, как и сержанты, давно уже в основе своей потеряны для Вооружённых Сил из-за непрестижности службы, нищенского существования и безалаберности всей военщины. Отсюда их нежелание служить или надлежащим образом выполнять свои служебные обязанности.

Только что из ГДО. Генерал-лейтенант Воробьёв делал доклад о совещании высшего командного состава ВС по вопросу о преодолении неуставных взаимоотношений в армии и искривления дисциплинарной практики. Привёл цифры: в прошлом году на почве неуставных взаимоотношений в армии погибло 150 человек, 2,5 тысячи получили увечья. Воробьёв ещё отметил, что в армии воспиталось целое поколение офицеров, которое привыкло только обещать, но ничего не делать. Это ещё мягко сказано. В стране, где делается только то, что приказывается, а что не приказывается, не делается, не может быть иначе. Ибо вся эта жёсткая вертикаль власти держится на одних только обещаниях и парадных отчётах.

22.04.87.

Я уже дома в Самарканде. Внезапно меня отправили в Келяту за солдатами, и я остановился дома на один день.

Вера и Яник обрадовались моему приезду.

24.04.87.

Был в Ашхабаде, переночевал в гостинице КЭЧ (квартирно-эксплуатационной части).

Позавтракал, прошёлся немного по городу, в котором прослужил 3 года, с 1972 по 1975 гг и в час дня автобусом из Текинки выехал в Келяту, расстояние до которой от Ашхабада 58 км.

29.04.87.

В учебном центре Келяте оказалось, что Татаринцев забрал моих автомобилистов.

Мне ничего другого не оставалось, как возвращаться назад.

И вот я уже в Термезе.

4.05.87.

Вместо Козлова на ЦАОК (Центральные артиллерийские офицерские курсы) еду я.

Пилюгин и Козлов нужны начальству, а с меня и взятки гладки, поэтому и решили мной заткнуть прореху в окружной заявке.

Поживу целых 5 месяцев в Городе на Неве. Отдохну от Пилюгина и Козлова. Надо придерживаться и старой армейской заповеди: «Учись! Пока поймут, что ты debil, ты уже майор. Пока решат, что с тобой делать дальше, ты полковник!». Мне звёзд на погоны уже не хватать, но от начальствующего гнева с возможными неприятностями в службе на 5 месяцев уберегусь.

К концу дня должны подготовить документы.

5.05.87.

Получил все необходимые документы и сегодня выезжаю поездом сначала в Самарканд, потом в Москву и затем уже в Ленинград.

Даже не верится, что уезжаю на такой большой срок на большую землю.

Увижу родственников, похожу по Невскому, покатаюсь на Ленинградском ордена Ленина метрополитене имени Владимира Ильича Ленина.

Нет, наверное, человека на свете счастливее меня.

17.11.2009г